

Научный совет по историко-теоретическим
проблемам искусствоведения
Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук

Российская академия архитектуры и строительных наук

Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства
(филиал ЦНИИП Минстроя России)

Государственный институт искусствоведения
Министерства культуры РФ

ПРОГРАММА
научной конференции

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

QUESTIONS OF THE HISTORY OF WORLD ARCHITECTURE

CONFERENCE PROGRAMME AND ABSTRACTS OF THE REPORTS

10–11 июня 2019 года
ГИИ, Козицкий пер. 5
Зал библиотеки

Регламент докладов 15 минут

Информационная поддержка

10 июня

11.00. ОТКРЫТИЕ

11.20–14.00. Первое заседание. Ведущие – И.А. Бондаренко и С.В. Тарханова

Ванюкова Дарья Владимировна

К вопросу об особенностях оформления погребальных камер в древнеегипетских пирамидах эпохи Среднего царства

Вергазов Рамиль Рафаилович

Ахемендские капители в провинциальных памятниках персидской империи. К специфике восприятия иранских ордерных форм в архитектуре сатрапий

Тарханова Светлана Валерьевна

Коринфские капители в Шило (Самария): стилистика, параллели, датировка. Художественные особенности местной школы

Хрушкова Людмила Георгиевна

Нозль Дюваль и современная археология поздней античности в Западной Европе

Лаврентьева Елена Сергеевна

Голгофа и пещера Св. Гроба Господня в Иерусалиме до возведения Храма Воскресения Христова: научные концепции, идеи и взгляды

Ванеян Степан Сергеевич

Камень и преткновение – I. Священное, выстроенное, разрушенное – между заветами

Бондаренко Игорь Андреевич

Тетраморфы пророка Иезекииля и четырехчастная структура храма в свете геоцентрического устройства мира

Воробьева Дарья Николаевна

«Музыкальные» колонны южноиндийских храмов

14.00. Кофе-брейк

15.00–17.40. Второе заседание. Ведущие – А.Ю. Казарян и М.Ю. Шевченко

Воронова Ариадна Александровна

Особенности трансформации античной архитектуры для христианских целей в балканских провинциях

Клюев Сергей Андреевич

Историко-географический фактор и его роль в формировании локальных особенностей архитектуры скальных храмов региона Тыграй (Эфиопия)

Фомина Екатерина Олеговна

Интерпретация Константинопольских образцов и формирование местных традиций в типологии храмов средневековой Каппадокии

Казарян Армен Юрьевич, Лошкарева Екатерина Андреевна

Церковь во Внутренней крепости Ани и особенности армянского зодчества на рубеже XII–XIII веков

Позднякова Марина Игоревна
Развитие западного фасада храма в позднюю готику

Холомеева Анна Андреевна
Роль цвета в иранской архитектуре XI–XII веков

Шевченко Марианна Юрьевна
Отражение мировоззренческих представлений в наименовании городских и дворцовых ворот китайских столиц II–XVII веков

Бузыкина Юлия Николаевна
Архитектурная графика Василия Григоровича-Барского

Бесолов Владимир Бутусович
Исследователи армянской архитектуры: VI. Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984)

Презентация монографии: Хрушкова Л.Г. **Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология.** – Калининград-Москва: ИД «РОС-ДОАФК», 2018. – 480 с.

ФУРШЕТ

11 июня

11.00–14.00. Третье заседание. Ведущие – Ю.П. Волчок и П.В. Коротчикова

Карпов Виктор Васильевич
Память. Риторика и геометрия умозрительного образа у Альберти

Носов Константин Сергеевич
Теория и практика итальянского военного зодчества эпохи Возрождения на примере Кастелло Сфорцеско

Кононенко Евгений Иванович
Стамбульская мечеть Шехзаде: замысел и результат

Коротчикова Полина Викторовна
Памятники Бидара: индо-персидские контакты в архитектуре XV–XVI веков

Чекмарев Владимир Михайлович
Становление неоготики в английской архитектуре на рубеже XVII–XVIII веков

Волчок Юрий Павлович
Домо-строение в мировосприятии прерафаэлитов. К формированию анфилады архитектурного синтеза

Нащокина Мария Владимировна
Реконструкция улицы Бондарей в Бремене в 1923-1931 годы: замысел, стиль, судьба

14.00. Кофе-брейк

15.00–17.40. Четвёртое заседание. Ведущие – М. Турек и Н.А. Коновалова

Коновалова Нина Анатольевна
«Эра Уотерса» в архитектуре Японии

Турек Мариан
Зелень и город в эпоху индустриализации (на примере Гданьска XVIII–XIX веков)

Старостенко Юлия Дмитриевна
Йозеф Штюббен (1845–1936): от проектов перепланировки городов к созданию теории градостроительства

Белинцева Ирина Викторовна
«Кирпичный экспрессионизм» или Ар Деко? К проблеме формы в архитектуре Восточной Пруссии (совр. Калининградская область) 1920-х годов

Мосиенко Евгений Павлович
Индустриальные великаны. Архитектура элеваторов межвоенного периода XX века на территории Восточной Пруссии (совр. Калининградская область)

Прощенкова Ирина Сергеевна
Морские Императорские курорты в формировании и развитии курортной архитектуры Балтийского побережья второй половины XIX – начала XX века

Ступникова Дарья Александровна
«Интеллектуальная интеграция»: семиотическая эстетика Чарльза Морриса в контексте программы Нового Баухауса в Чикаго

17.40. Подведение итогов конференции. Ведущий – А. Ю. Казарян

Заочное участие в конференции

Мальцева Светлана Владиславовна
Храмовая архитектура Второго Болгарского царства: основные проблемы изучения

Мурадов Руслан Гельдыевич
От классики к вернакуляру: редукция мусульманских мавзолеев позднего средневековья

Шукуров Шариф Мухаммадович
Каджары. Опыт восприятия архитектуры

Карлова Евгения Михайловна
О некоторых особенностях иконографии джайнской архитектуры

Баева Ольга Владимировна
Жилище Крыма в эпохи Средневековья и Нового времени. К проблеме традиций и культурных влияний

Левашко Светлана Сергеевна
Архитектура Русского зарубежья: между «русским наследием» и «совместным наследием»

Тезисы докладов *Abstracts of the papers*

Ванюкова Дарья Владимировна
кандидат искусствоведения / Государственный музей Востока, Москва

К вопросу об особенностях оформления погребальных камер в древнеегипетских пирамидах эпохи Среднего царства

Эпоха Среднего царства в истории древнеегипетской архитектуры отмечена большим вниманием мастеров к достижениям зодчих предшествующих времен. Возрождая традиции строительства пирамид, они, однако, используют новаторские решения в композиционной структуре и планировке припирамидных храмов. Необычайно большое внимание также уделяется архитектурному оформлению внутренних покоев пирамиды, особенно в эпоху правления Сенусерта III и Аменемхета III (XII династия). В докладе рассматриваются как конструктивные особенности, так и проблема цвета в архитектурном решении погребальных камер царей XI–XII династий.

Вергазов Рамиль Рафаилович
кандидат искусствоведения / ГМИИ им. А.С. Пушкина

Ахеменидские капители в провинциальных памятниках персидской империи. К специфике восприятия иранских ордерных форм в архитектуре сатрапий

Архитектура Ахеменидского Ирана (IV–IV вв. до н.э.) представляет особое явление в древневосточном зодчестве I тыс. до н.э., поскольку объединяет в себе местное иранское наследие с достижениями архитектуры древних культур Ближнего Востока. В художественной традиции Ахеменидов архитектура является главным стилеобразующим видом искусства, получившим воплощение в царских дворцовых комплексах Пасаргад, Суз и Персеполя. В этих ансамблях складываются основные строительные принципы, типология и ордерная система архитектуры Ахеменидов. Ордерные формы получают последовательное развитие в древнеперсидском зодчестве, поскольку основу дворцовых построек Ахеменидского Ирана составляют многоколонные залы. Отличительной чертой этой ордерной системы являются композитные капители, которые завершались двумя зооморфными протомами. Эти ордерные формы, как и конструктивные принципы и

типология архитектуры Ахеменидов оказали заметное влияние на развитие локальных строительных традиций сатрапий империи.

Следует признать, что капители в провинциальных постройках персидской империи встречаются крайне редко, что обусловлено плохой сохранностью этих памятников. На сегодняшний день было найдено всего семь капителей ахеменидского типа на территории Средней Азии (Калалы-гыр 1, Султануиздаг), Закавказья (Цихиагора, Саирхе), Леванта (Сидон) и на Кипре (Саламин). Эти находки представляют большую ценность для изучения особенностей восприятия столичных ордерных форм в локальной архитектуре сатрапий и возникшего синтеза двух традиций. Рассмотрение провинциальных капителей персидского круга позволяет выявить региональную специфику этих ордерных форм, их стилистику, а также уточнить датировку памятников.

Тарханова Светлана Валерьевна

кандидат искусствоведения / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Коринфские капители в Шило (Самария): стилистика, параллели, датировка. Художественные особенности местной школы

В Шило среди многих других декоративных элементов найдены четыре коринфские капители, стилистика и датировка которых до сих пор остаются неясными и неизученными. Капители были вырезаны в общих чертах по узнаваемым витрувианским правилам, но с серьезными отступлениями от них, такими как третий ряд аканфовых листьев, рудиментарные волюты, отсутствие внутренних завитков и т.д. Все четыре капители отличаются друг от друга мелкими деталями и незначительно по размеру. В своем исследовании автор обнаружил ряд параллелей для подобных решений в Самарии и Иудее и пришел к выводу, что данные особенности являются характерными признаками местной позднеримской школы с вероятным центром в Севастии. В соответствии с этими наблюдениями, предлагается датировка капителей, определяется их художественная стилистика (довольно устойчивая на протяжении долгого периода, с сирийским генезисом). По мнению автора, капители были использованы в Базиликальной церкви и мечети Джамии эль-Арбаин в Шило вторично и без доработки (как, например, в Севастии), после их первичного использования в колоннадах городских улиц.

Хрушкова Людмила Георгиевна

доктор исторических наук / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Ноэль Дюваль и современная археология поздней античности в Западной Европе

Имя Ноэля Дюваля (Noël Duval, 24 дек. 1929 – 12 дек. 2018) тесно связано не только с археологией поздней античности, но и с утверждением и развитием самого концепта «поздняя античность». Оживленные дискуссии, что такое феномен поздней античности, идут уже не одно десятилетие. Это эпоха, когда наступил катастрофический конец античного мира, резкий и необратимый упадок или это эпоха трансформаций, мутаций или, как принято говорить в современную эпоху толерантности, эпоха «демократизации». Когда закончилась античность? На этот вопрос отвечают по-разному.

Научные интересы Дюваля в области археологии определились рано, в значительной мере под влиянием его учителей, Уильяма Сестона (Seston, 1900–1983) и Анри-Ирине Марру (Marrou, 1904–1977). Это раннехристианская Северная Африка, ее археология, архитектура, религиозная жизнь. Капитальный двухтомный труд Дюваля «Африканские

церкви с двумя апсидами» (1971–1973) стал пионерским в круге проблем, получивших наименование «архитектура и литургия».

Новая концепция поздней античности привела к обновлению научного языка. Так, во Франции отказались от традиционного термина «поздняя Империя» (*Bas-Empire*), его заменили более широким и объективным понятием «поздняя античность». В своем выступлении на открытии 12 международного конгресса по христианской археологии (Бонн, 1991) Дюваль высказал идею о создании международной научной организации под названием «Поздняя античность». Она должна была стать обновлением традиционного понятия «христианская археология». Свои идеи Ноэль Дюваль воплотил в двух созданных им институциях. Это Международная ассоциация поздней античности (*Association pour l'Antiquité Tardive*) и издаваемый ею журнал по истории и археологии, под тем же названием, *Antiquité Tardive*, первый том которого вышел в 1993 г. В качестве приложения к этому журналу в бельгийском издательстве Brepols выходит серия монографий.

Фундаментальная тема топографии позднеантичного и средневекового города стала одной из ведущих в научном творчестве Дюваля. Он был инициатором и руководителем крупного коллективного научно-издательского проекта «Христианская топография городов Галлии от истоков до середины 8 века», работа над которым велась свыше 30 лет. Исследователи избрали современный плюридисциплинарный подход, объединяющий историю, археологию, эпиграфику, историю архитектуры и искусства, просопографию. Дюваль принадлежал к числу тех, немногочисленных на Западе, исследователей, которые стремились вовлечь в международную научную жизнь коллег из восточноевропейских стран, в том числе из СССР, затем России. Он многое сделал для развития археологии поздней античности в славянских странах, прежде всего, в Сербии и Хорватии.

Этой книге Ноэль Дюваль предпослал свое предисловие.

Несомненно, имя Ноэля Дюваля навсегда вписано в историю западно-европейской исторической науки, как автора капитальных трудов, как организатора науки, как яркого неординарного человека, которого знали «все».

Лаврентьева Елена Сергеевна

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства,
Москва

Голгофа и пещера Св. Гроба Господня в Иерусалиме до возведения Храма Воскресения Христова: научные концепции, идеи и взгляды

Храм Воскресения Христова в Иерусалиме возведен над двумя главными святынями христианства – Голгофой и Святым Гробом Господним. Его архитектурный облик изучается почти 200 лет (после разрушительного пожара 1808 г.). Исследователей также интересует судьба святынь до начала строительства Храма Воскресения, т.е. в I–III вв. (точнее – с 33 г., когда Христос был распят, и до Первого Вселенского Собора, состоявшегося ок. 325 г.).

В историографии, освещавшей почти трехсотлетний период, были поставлены только два вопроса: первый – о достоверности места, на котором стоит Храм Гроба Господня; второй – о языческом храме, возведенном римлянами с целью скрыть место поклонения христиан.

Неширокий спектр обсуждаемых проблем обусловлен в первую очередь отсутствием исторических источников, сообщающих о святынях; о них действительно ничего доподлинно не известно. Однако сопоставление общеизвестных фактов о Храме Воскресения привели некоторых исследователей XIX в. к отрицанию подлинности его расположения (предполагалось, что он стоит не на том месте). В 1882 г. была даже найдена альтернативная Голгофа за Дамасскими воротами. Вопрос же о языческом храме был поставлен с опорой на достаточно поздний текст Евсевия Памфила («Жизнь

Константина», ок. 337 г.), в котором сообщалось, что до прихода Константина Великого пещера Святого Воскресения была предана забвению, скрыта под высокой насыпью земли, на которой было построено «мрачное жилище для мертвых идолов» (перев. СПб. Духовной Академии). Слова Евсевия были восприняты буквально, что, несмотря на отсутствие явных доказательств, способствовало укреплению научного мифа о существовании римского храма.

В данном докладе будут изложены мнения исследователей об особенностях рельефа местности, где расположены Голгофа и Святой Гроб Господень, а также об обнаруженных раскопками Ш. Куанона, В.К. Корбо (1966–1968 г.) и М. Броши (1975–1976 г.) фундаментах построек, которые располагались здесь до возведения Храма Воскресения Христова. Систематизация исторических (начиная с IV века) и археологических сведений, научных предположений и реконструкций позволит прояснить вопрос об облике и судьбе святынь в первые три столетия нашей эры.

Ванеян Степан Сергеевич

Доктор искусствоведения, профессор / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Камень и преткновение – I. Священное, выстроенное, разрушенное – между заветами

После череды храмов Первого Завета, перед нами храм, устроенный иначе: это сам Новый завет, Евангелие и остальные тексты с финальным Откровением Иоанна. Все они – формы особой экзегетической постройки, преодолевающей прежний опыт храмового Богообщения. Можно сказать, что вместо Храма Давида, Храма Иезекииля или Ездры, выстраивается Иной Храм – Храм Иисуса, то есть Церковь как Его плоть. И Иисус, являя Себя «камнем преткновения» (Мф 21 и др.), начинает Свое строительство (ибо Он и камень краеугольный) – с разрушения Второго Храма, сначала символически – в виде изгнания торгующих, затем пророчески – в предречении его физического разрушения, потом мистически, – на Голгофе и, наконец, эсхатологически – в Небесном Граде. Это и де-актуализация всей прежней семантики камня и земли – в раскрытии земных недр и выходе мертвых – с одновременным поглощением земель плоти Иисуса – в акте погребения (здесь и вся семантика пустого Гроба). Следующее звено – это эпизод побиения камнями Стефана со всеми ветхозаветными импликациями и сакраментально-миметическим прообразами. Важные узловые точки – храм плоти у Павла и концепция Жертвы «вне Града» в Послании к Евреям. Взыскание Нового Града венчается видением в Откр Нового Иерусалима при полном уже отсутствии Храма. Вся историческая судьба храмовой топики содержит в себе подобный символизм циклического созидания и разрушения материального и ритуального, соматического и мистического, критического и катартического. Мы начнем с некоторых лапидарно-краеугольных мотивов, связующих Первый и Новый заветы, предварив обсуждением «монументальной теологии» Ф. Пипера – этой весьма отрефлексированной архитектурно-эпистемологической метафоры, с присущей ей перформативно-трансформативной эвристикой.

Бондаренко Игорь Андреевич

доктор архитектуры, профессор, академик РААСН / Московский архитектурный институт, Москва

Тетраморфы пророка Иезекииля и четырехчастная структура храма в свете геоцентрического устройства мира

В докладе делается попытка объяснить происхождение четырехликости описанных в книге Иезекииля херувимов, несущих престол Божий, механизмом вращения звездного

неба вокруг неподвижной Земли. Как известно, каждый из херувимских ликом соответствует одному из краеугольных знаков Зодиака: Льва, Тельца, Водолея (представлявшегося в виде человека или ангела), Скорпиона (которого было принято замещать Орлом). Те же символы с утверждением христианства были унаследованы четырьмя Евангелистами, чьи изображения стали помещать над столпами на парусных сводах, поддерживающих церковную главу. Странность крылатых гибридных существ с четырьмя разными лицами давно вызывает недоумение исследователей, некоторые из которых склонны списывать ее на неточность перевода библейского текста. Однако, объяснение тому может дать факт ежесуточного вращения зодиакального пояса, в результате чего в одних и тех же точках пространства оказываются поочередно то одни, то другие созвездия. Если акцентировать внимание на четырех ключевых точках, разделяющих стороны света, то в них будут фиксироваться утром, днем, вечером и ночью как раз те знаки Зодиака, которые названы выше.

Констатируется, что, согласно архаической космологии, четыре столба и четыре стены стоящего на земле храма неподвижны, тогда как силы небесные над ними находятся в постоянном круговороте, благодаря чему они по очереди, как бы перелетая с места на место, посещают в урочные часы одни и те же четыре возвышенности. Каждый херувим, тем самым, оказывается причастен ко всем четырем сторонам горизонта.

Развитие данного сюжета приводит автора к рассуждениям о покрытии и окружении стационарного ядра храма вращающимися созвездиями и светилами, которые образуют зеркальные пары, соответствующие зимнему и летнему, весеннему и осеннему сезонам. Если храм ориентирован с запада на восток или с севера на юг, то его входная часть ассоциируется с темным временем суток и тяжелым горообразным массивом земли, а алтарная – с небом, простором, преисполненным воздуха и света. Одни и те же созвездия, обращаясь навстречу друг другу, становятся противоположностями, как китайские инь и ян. Земной корабль или Ковчег спасения устремляется на восток, в сторону утраченного рая, а оттуда на него направляется иной, небесный корабль, кормчий которого – сам Спаситель.

Воробьева Дарья Николаевна

кандидат искусствоведения / Государственный институт искусствознания; МГХПА им. С. Г. Строганова, Москва

«Музыкальные» колонны южноиндийских храмов

В докладе речь пойдет о т.н. «музыкальных» колоннах Южной Индии, об архитектурном элементе, имеющем, помимо своей декоративной функции также акустическую – они использовались как ударный инструмент, сопровождающий исполнение танца. Акустические свойства камня интересовали индийцев с древнейших времен. В *шилпашастрах*, трактатах для скульпторов, имеются упоминания, что камень для скульптуры необходимо выбирать не только по внешнему виду, но и по слуху. Соответственно звуку камень может быть либо «женским», либо «мужским» - для статуй богинь или богов.

Самые ранние «музыкальные» колонны находят еще в пещерных храмах Индии, например, в Аджанте (V в.) туристу обязательно продемонстрируют звук, производимый ударом руки по пилону. Однако исследователи считают, что подобный эффект носит побочный характер. Первые южноиндийские «музыкальные» колонны, высеченные с учетом знаний акустики относят к VIII в.

Расцвет искусства «поющих колонн» приходится на период с XIII по XVI вв., храмы строились разными династиями по всей Южной Индии – от западного до восточного побережья (штаты Тамилнаду, Андхра-Прадеш, Керала), особенно их много на самой южной оконечности страны. Всего сооружений с подобными колоннами насчитывается несколько десятков. Количество «музыкальных» колонн в храмах разное – от 3 до 56. Они способны воспроизводить не только разновысотные звуки, являясь настоящими литофонами, но и звуки различного тембра, имитируя разные музыкальные инструменты

(*мриданг*, колокол, *гхат*, *табла*, *дамару* и даже струнный инструмент – *вину*).
Акустический эффект музыкальных колонн исследуется физиками, выводы которых также будут приведены в докладе.

Помимо колонн, звук из которых извлекается по принципу ударных инструментов, в индийских храмах также встречаются колонны-духовые инструменты.

В «музыкальных» колоннах проявилось характерное для индийской культуры синтетическое восприятие формы, которое мы встречаем в разных видах искусства. Оно базируется на особенностях индийской эстетики, в основе которой понимание храмового пространства, как микрокосма, в котором проводимый ритуал обеспечивает необходимую полноту, проявляясь через единение всех видов искусства. Появление подобного типа колонн было продиктовано возросшей ролью танца в ритуале, исполняемого в мандапе, предваряющей святилище. Здесь и находятся колонны. Расцвет традиции был обусловлен всей предшествующей традицией камнерезного искусства, достигшей к тому времени очень высокого уровня.

14.00. Кофе-брейк

15.00–17.40. Второе заседание. Ведущие – А.Ю. Казарян и М.Ю. Шевченко

Воронова Ариадна Александровна
кандидат искусствоведения / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва

Особенности трансформации античной архитектуры для христианских целей в балканских провинциях

В первые века после легализации христианства в балканских провинциях Империи происходят активные процессы трансформации языческих сакральных пространств в христианские. Многие города Империи унаследовали значение античных духовных центров, усиленное сакральной топографией – местом страдания или захоронения мучеников или напротив, местом совершения языческого культа. Христианские центры становятся главными смысловыми и архитектурными доминантами в городе, перенимая функцию общественных собраний у прежних зданий, которые перестали строиться, а старые объекты были запущены и постепенно разрушались, предоставляя строительный материал для новых христианских сооружений.

Эллинизированные территории Империи были в основном ориентированы на юг; их церкви в целом относятся к эгейскому миру. При этом активное движение идей вдоль Виа Эгнатиа в обоих направлениях восток-запад осуществлялось быстрее через города-гавани, тогда как города в глубинке получали новшества позднее и иногда в искаженном виде. Приморские адриатические города с равноудаленным от Рима и Константинополя положением, вынужденные ассимилировать пришедшее славянское население и обладавшие позднеантичным наследием, сохранили традицию античного урбанизма. С возникновением христианства морфология адриовизантийского города кардинально изменилась, однако новые церковные комплексы, как правило, органически вписывались в существующую планировку, а зачастую и прежние архитектурные объекты трансформировались и адаптировались к новым функциям христианского богослужения.

Клюев Сергей Андреевич
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Историко-географический фактор и его роль в формировании локальных особенностей архитектуры скальных храмов региона Тыграй (Эфиопия)

Регион Тыграй на севере Федеративной Демократической Республики Эфиопия знаменит большим количеством сосредоточенных на его территории памятников скального церковного зодчества. Его история напрямую связана с историей Аксумского царства и его христианизацией (IV-VI вв.). С современными единицами административного деления (уорэдами) отчасти совпадают исторические области. Их история насыщена явлениями политической и религиозной жизни: различные монашеские движения (в том числе преследуемые официальной церковью), мятежи региональных правителей против центральной власти, борьба за торговые пути, противостояние с мусульманами, покровительство царей особо почитаемым монастырям. Доклад посвящен вопросу о степени влияния историко-географических факторов на формирование локальных особенностей архитектуры Тыграя; насколько это влияние стало определяющим для проявления специфических особенностей регионального развития общей традиции. Данный материал является первым шагом к составлению полноценной картины, отражающей локальную специфику скального зодчества различных исторических областей Тыграя и включает рассмотрение отдельных, наиболее примечательных с точки зрения поставленной задачи, памятников.

Фомина Екатерина Олеговна

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Интерпретация Константинопольских образцов и формирование местных традиций в типологии храмов средневековой Каппадокии

Типология каменных церквей Каппадокии в X-XI веках различна. В дополнение к традиционному типу вписанного креста, который был в это время популярен в Константинополе, на землях Каппадокии формируется тип компактно вписанного креста, а также строятся церкви триконхи. Такое разнообразие и композиции, и в типе зданий обусловлено как потребностью в богослужебных помещениях разного масштаба, так и заселением этого региона большим количеством мигрирующих армян, которые принесли с собой традиции архитектуры Закавказья. Зодчие каппадокийской провинции в X веке начинают возрождать архитектурные традиции доарабского периода, которые проникают в постройки нового столичного типа. В докладе основное внимание будет сфокусировано на анализе типов построек, их композиции и специфике архитектурных элементов, региональной интерпретации памятников традиционного в средневековый период константинопольского типа храма.

Казарян Армен Юрьевич

доктор искусствоведения, член-корр. РААСН / Государственный институт искусствоведения; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Лошкарева Екатерина Андреевна

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Церковь во Внутренней крепости Ани и особенности армянского зодчества на рубеже XII–XIII веков

Церковь во Внутренней крепости (Ахчаберд / Кызкале / Девичья крепость) столицы средневековой Армении Ани до сих пор должным образом не изучалась. Однако она

является одним из ключевых памятников начавшегося на рубеже 12-13 вв. возрождения армянской архитектурной традиции. Целью статьи является раскрытие особенностей архитектурной композиции и пластического декора этого памятника в сравнении с наиболее интересными постройками эпохи, что позволит не только осветить сам изучаемый памятник, но и прояснить некоторые вопросы развития архитектуры и орнаментального искусства средневековой Армении.

Анализируя план и пространственное устройство церкви Ахчкаберда, авторы неминусом углубятся в типологию церковного зодчества и представят изменения, постигшие так называемый архитектурный тип крестообразных церквей с помещениями в четырех углах и место рассматриваемого памятника в ряду однотипных храмов. При этом будет учитываться контекст развития зодчества как в Армении, так и в соседних Византии и Грузии. Соотношения зон в интерьере, высотные пропорции и особенности внешней композиции уточняются в связи с вторичным посещением А. Казаряном труднодоступной Внутренней крепости в мае 2019 г., уже после сдачи в публикацию первой статьи авторов про эту церковь. Осуществлена попытка критического анализа существующей реконструкции храма. При анализе пластики фасадов особое внимание уделено аркатуре на спаренных полуколонках на западном и южном фасадах церкви и оформлению окон и фасадных ниш. Также замечено, что мастер Ахчкабердской церкви моделирует формы орнаментов с определенной живостью. В исполнении некоторых растительных мотивов он свободен от плоской поверхности, и резьба местами напоминает скульптуру. Стилистика орнаментальной резьбы сопоставляется с такими постройками эпохи, как главные церкви монастырей Макараванк и Аричаванк, а также с чуть более поздними, датируемыми 1215 г. церквями Девичьего монастыря, Тиграна Оненца и монастыря Гегард.

Позднякова Марина Игоревна

аспирант / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Развитие западного фасада храма в позднюю готику

Готическая архитектура уделяет большое внимание фасаду. Однако сама типология западного двухбашенного фасада остается практически неизменной на протяжении всей ее истории. Композиция фасада отражает пространственное деление собора на нефы и одновременно деление стены собора на ярусы. В позднюю готику типология двухбашенного фасада сохраняется: часто большие соборы достраиваются только к этому времени, и западные фасады создаются полностью в позднеготическом стиле (например, Сен-Гатьен в Туре, Сент-Этьен в Туле — вторая половина XV в.). Но в этих фасадах от поздней готики лишь прихотливость декоративных элементов и густота заполнения поверхности.

Уже на исходе средневековья (в конце XV – начале XVI в.) оказывается востребованной типология, которая эпизодически появлялась и раньше, — фасады с портиками. Под портиком (англ. porch) подразумеваются одна или несколько травей, расположенных перед стеной западного фасада или фасада трансепта, и объединенных со стеной физически и визуалью в одну композицию. Наиболее популярными они становятся в Нормандии, и только здесь портики являются не прямоугольными, а многогранными. Прежде всего, речь идет о церквях Сен-Маклу в Руане, Сен-Жермен в Аржантане и Нотр-Дам в Алансоне. На первый взгляд портик кажется абсолютно не свойственным готике элементом. Однако анализ западного фасада церкви Сен-Маклу показывает, что фасад с портиком отвечает требованиям готики к фасаду, то есть соответствует делению пространства собора на нефы и делению стены на ярусы. Несмотря на то, что фасад разведен на две плоскости, портик в Сен-Маклу все еще является одним из ярусов фасада. В церквях Нотр-Дам в Алансоне и Сен-Жермен в Аржантане портики растянуты на всю стену фасада, а ярусное деление отсутствует — из одного из ярусов фасада портик сам становится фасадом.

Такая редкая для готики архитектурная форма и сама по себе заслуживает серьезного рассмотрения, но важно то, что порталы встраиваются в эволюцию готического западного фасада, который в раннюю готику представлял собой плоскость, в эпоху великих соборов — поверхность, а в позднюю готику — пространство. Что и знаменует собой конец эпохи, поскольку теперь фасад решен с помощью травей — тех же пространственных единиц, что и внутреннее пространство собора.

Холомеева Анна Андреевна
аспирант / Государственный институт искусствознания, Москва

Роль цвета в иранской архитектуре XI–XII веков

Проблемное поле доклада будет ограничено одним типом архитектурных памятников. Мечети раннего периода дошли до нас в руинированном или же в многократно перестроенном состоянии, чего нельзя сказать о минаретах, которые практически не перестраивались и в меньшей степени были подвержены экзогенным разрушениям. Таким образом, минарет как архитектурный тип представляет собой наиболее аутентичный архитектурный пример своего времени.

Вдобавок к сказанному минарет стал одним из символов мусульманской религии. На иранских территориях в отдельных случаях он стал инструментом для утверждения и подтверждения власти, что отразилось в надписях на минаретах. Содержание этих текстов стало отражением не только новой религиозной доктрины, но и утверждением социального статуса заказчика.

Художественное оформление надписей в некоторой степени могло быть связано и со своим содержанием. Иранцы, виртуозно овладевшие техникой художественной кладки, восприняли арабскую графику и, переработав ее согласно модусу своего видения, создали на ее основе новые художественные приемы.

Когда эстетические возможности имеющихся в обращении технологий исчерпали себя, для выделения надписей был использован цвет. Применение цвета в экстерьере памятников в виде глазурированных кирпичиков позволяло контрастно подчеркнуть надпись на теле минарета, и акцентировать внимание на эпиграфическом фрагменте при нахождении на существенном расстоянии от памятника.

На примере выделения отдельных фрагментов в экстерьере памятника колористическими вкраплениями предполагается исследовать роль цвета в становлении стиля иранцев, а также его роль как инструмента социально-политической жизни.

Шевченко Марианна Юрьевна
кандидат архитектуры / Московский архитектурный институт, Москва

Отражение мировоззренческих представлений в наименовании городских и дворцовых ворот китайских столиц II–XVII веков

Если же сравнить названия городских и дворцовых ворот, то становится очевидным, что в названии дворцовых ворот старались точнее выражать символику пяти первоэлементов, нежели в городских воротах. Возможно, это объяснялось тем, что дворцовые ворота непосредственно окружали место жительства.

В Китае названиям городских и дворцовых ворот с древних времен уделялось особое внимание. В летописях любое описание столицы начиналось с перечисления названия ее ворот. В самых древних столицах, таких как ханьский Чанъань в этих названиях просматривались пожелания благополучия, мирного правления, различные девизы правления. Но со II века все чаще в там начинают встречаться иероглифы так или иначе выражавшие концепцию пяти первоэлементов и китайскую космологию, отраженную в Книге Перемен. Пять первоэлементов – земля, огонь, дерево, вода и металл, обладали

также и дополнительными характеристиками. Огонь символизировал юг, принцип ян, лето, свет, жизнь, красный цвет; дерево – восток, весну, пробуждение, восход солнца, зеленый цвет; вода – север, принцип инь, зиму, холод, смерть, черный цвет; металл – запад, осень, закат солнца, белый цвет.

Исследование названия городских и дворцовых ворот показало, что в период со II по IX века названия ворот весьма точно передавали характеристику того или иного первоэлемента, причем чаще это проявлялось в южных и восточных воротах (именно эти первоэлементы считались живоносными и более благоприятными), а в западных и северных воротах эта тенденция встречается реже. Более того северные ворота в ряде случаев назывались противоположными «янскими» названиями с иероглифами «Сияющий», «Вечный ян» и т.д. В период правления династий Сун и Юань эта тенденция слабеет, а в период «возрождения» китайской культуры при династии Мин – снова усиливается.

Бузыкина Юлия Николаевна

кандидат искусствоведения / Музеи Московского Кремля, Москва

Архитектурная графика Василия Григоровича-Барского

Путешественник Василий Григорович-Барский, обошедший пешком во второй четверти XVIII века весь Ближний Восток, оставил потомкам свои драгоценные записки с рисунками, которым и будет посвящен этот доклад.

Рисунки Барского, который не учился специально рисованию, представляют собой в основном изображения архитектуры, сопровождающие словесные описания городов, монастырей, руин, храмов, отдельных построек. В своих записках Барский отмечает, что рисовал с натуры.

Начинаются рисунки с вида Яффы, запечатленного с корабля, стоящего на рейде на подходе к Святой земле в 1726 году. Затем последовали зарисовки палестинских святынь, создавая которые, Барский опирался как на свои впечатления, так и на видовые гравюры.

Объекты не столь известные Барский рисовал с натуры и честно признавался в том, что не изобразил, например, готическую руину аббатства Беллапаис на Кипре, потому что это для него было слишком сложно.

Наконец, во время афонской экспедиции 1744 года, которую специально для него снарядил русский резидент в Константинополе Вишняков, Барский оставил серию видов афонских обителей, а также любопытные рисунки-схемы: это схемы чина трапезы и чина церковного в лавре святого Афанасия. Архитектурный план служит полем для расстановки фигурок монахов и священнослужителей.

Рисунки играют информационную, а не художественную роль. В видовых зарисовках он почти всегда указывает направление на восток, рисуя в этом месте улыбающееся солнышко и подписывая его по-гречески ανατολή. Посвящения храмов и какие-то выдающиеся приметы места подписываются. Он стремится точно передать пропорции изображаемых зданий и это у него в большинстве случаев получается. Рисунки узнаваемы. Он фиксирует состояние зданий на момент зарисовки, и потому его рисунки имеют статус исторического источника.

Бесолов Владимир Бутусович

профессор ИАА, член-корреспондент Международной Академии архитектуры / Северо-Кавказский академический центр ИАА (МАС), Алагир

Исследователи армянской архитектуры: VI. Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984)

Известный историк-медиевист и археолог, доктор исторических наук Анатолий Леопольдович Яковсон (22.08.1906 – 3.08.1984), был крупным знатоком культуры и быта средневекового Херсонеса и исследователем архитектуры стран восточно-христианского и византийского ареала. В 1929 году А.Л. Яковсон окончил ЛГУ и в следующем году поступил в Институт истории материальной культуры АН СССР.

Молодой археолог много времени А. Л. Яковсон уделял исследованию истории и культуры Крыма, преимущественно средневекового Херсонеса. Научные интересы А.Л. Яковсона были также сосредоточены на постижении историко-культурного наследия Кавказской Албании (гл. образом территория Азербайджана).

Однако наряду с научными разысканиями по Крыму, Агвании А.Л. Яковсон принял участие в двух больших экспедициях в Армении: в 1929г. по поручению И. А. Орбели обмерял, описывал, фотографировал памятники архитектуры, а в 1936 г. трудился на раскопках замка Анберд, вникая в архитектурную структуру замка. Фактически А.Л. Яковсона одновременно и неустанно трудился в двух основных направлениях – это история и культура средневекового Крыма и история архитектуры и искусства средневековой Армении. Предметом доклада являются арменоведческие интересы ученого по Армении.

Несмотря на то, что А.Л. Яковсон с 1929 года вникал в осмысление архитектурно-художественного наследия средневековой Армении, первые его статьи стали появляться после окончания Второй мировой войны, с 1946г. Он опубликовал серию статей по истории армянской архитектуры: о монастырских ансамблях (Гандзасар, Агарцин, Татев, Мшканк, Хоракерт и др.), статьи о малоизвестных памятниках архитектуры (церквях в Байсызе, Бюракане, Дыгере, Воскепаре, Сагмосаванке и др.). Значительно позже им опубликованы две статьи о памятниках армянской архитектуры в Крыму.

По истечении четырех лет после издания монографии Н.М. Яковсона – первой книги по истории армянской архитектуры на русском языке, в 1950 г. была издана книга А.Л. Яковсона «Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков», в которой дана картина последовательного развития армянской архитектуры на протяжении более тысячи лет.

По мнению автора этих строк, книга А.Л. Яковсона значительно уступает сугубо архитектуроведческому исследованию Н.М. Токарского. Профессия археолога всецело отразилась на его обобщающем исследовании: в книге А.Л. Яковсона памятники армянского зодчества всего лишь рассматриваются в историческом контексте средневековой Армении. Быть может, поэтому за исключением специалиста по армянской миниатюре Т.А. Измайловой, ни один российский или армянский историк архитектуры не опубликовал рецензию на выход новой книги по архитектуре средневековой Армении на русском языке.

В 1984 году вышла в свет брошюра А.Л. Яковсона «Сагмосаванк», дополнительный тираж издан в 1986 году. Несколько раз публиковалась статья о Гандзасарском монастыре. Три статьи опубликованы по армянским хачкарам, в них превалирует не систематика, не искусствоведческий анализ, а описательное представление историко-художественного явления.

С начала 1970-х годов А.Л. Яковсон приступил к осмыслению путей и направлений развития средневековой архитектуры срединной Евразии. Он глубоко вникал в историю зодчества Византии, Сирии, Месопотамии, Малой Азии, Болгарии, Армении, Грузии, Кавказской Албании, Азербайджана, Средней Азии и Казахстана. Особенно его интересовали вопросы периодизации архитектуры и хронологии памятников зодчества, выявления взаимных связей и отношений в архитектуре указанных стран, определения исторических закономерностей и художественных особенностей формирования и развития архитектурных морфотипов мемориальных и культовых сооружений, выявления взаимоотношений национальных школ и их специфических особенностей.

К числу научных заслуг следует отнести объективность в обстоятельных рецензиях на статьи и книги. Достаточно ознакомиться с его полемикой по отношению к умозрительным концепциям Г.Н. Чубинашвили, Л.Д. Рчеулишвили, П.П. Закарая и других грузинских историков архитектуры и искусства. В полемике он аргументировано критиковал труды ученых, в которых искажались историко-художественные явления.

Трудно отказать А.Л. Яковсону в преданности петербургской научной школе Н.Я. Марра и И.А. Орбели – основоположников научного кавказоведения.

ФУРШЕТ

11 июня

11.00–14.00. Третье заседание. Ведущие – Ю.П. Волчок и П.В. Коротчикова

Карпов Виктор Васильевич

кандидат искусствоведения / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Память. Риторика и геометрия умозрительного образа у Альберти

Проблема *образа*, включающая его умозрительный аспект, являющаяся одним из основных, вызывающих постоянный интерес и привлекающих пристальное внимание исследователей, вопросов в науке, философии, искусстве, истории и культуре в целом, рассматривается с точки зрения ее предпосылок и истоков в классической риторической традиции в ее обусловленной каноническими структурными построениями взаимосвязи с геометрией посредством сложных и, часто, неоднозначных отсылок к ее аксиоматическим положениям, постулатам и правилам. Получая свое отражение и различные трактовки в истории, теории и практике архитектуры, эта, как правило, до конца неосознаваемая своеобразная взаимозависимость или взаимопроникновение двух, казалось бы, совершенно различных дисциплин – *риторики* и *геометрии* – представляется более очевидной при рассмотрении природы *умозрительного образа* в его неразрывной связи с феноменом *памяти* и вопросами *оптики*, используемыми, наряду с известной риторической практикой или *методом локусов (loci)*, как структурного построения и взаимосвязи *мест* и *образов (locis et imaginibus)* в классической древнегреческой и более поздней средневековой традиции риторической мнемонической техники с целью тренировки и развития памяти, получившей примечательное своей философско-поэтической глубиной и смыслом название – *искусство памяти* или *Ars memoriae*. Основополагающее значение и смысл феномена *памяти* в понимании и объяснении природы *умозрительного образа* в том числе в архитектуре рассматриваются через сопоставительное прочтение исторического и художественного анализа проблемы *образа* и вопросов *художественной оптики* у В.П.Зубова в приложении к архитектурной теории Альберти, систематического изложения и изучения истории становления и развития *искусства памяти* у Фрэнсис Амелии Йейтс и более универсального философского осмысления *исторической памяти* у Поля Рикера.

Носов Константин Сергеевич

доктор исторических наук / Центр изучения истории фортификации, кафедра истории экономики Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Теория и практика итальянского военного зодчества эпохи Возрождения на примере Кастелло Сфорцеско

В докладе будут представлены взгляды на военное зодчество итальянских архитекторов XV в. (Альберти, Филарете, Франческо ди Джорджо Мартини, Леонардо да Винчи и др.) и проведено сопоставление эволюции теоретических идей с реализацией на практике на примере резиденции миланских герцогов – Кастелло Сфорцеско.

Кононенко Евгений Иванович
кандидат искусствоведения / Государственный институт искусствознания, Москва

Стамбульская мечеть Шехзаде: замысел и результат

Шехзаде-джами (1543–1548) – хрестоматийная работа выдающегося османского архитектора Синана и его первый крупный проект по строительству столичных культовых комплексов. Появление этого здания традиционно связывается со смертью наследника Мехмеда и формированием династического некрополя Сулеймана I Великолепного, но существующая мечеть не соответствует сформировавшейся к XVI в. в османском зодчестве типологии погребального мемориала. Планировочные и конструктивные новации этого проекта завершают активный поиск форм «большой османской мечети», однако эти достижения не соответствуют масштабности комплекса и не нашли продолжения в творчестве Синана.

Целый ряд аргументов (ранее не привлекавшиеся архивные документы, городские легенды, особенности планировки и конструкции, элементы композиции здания, сопоставление с синхронными постройками и последующими султанскими комплексами, место ансамбля Шехзаде в градостроении Стамбула и наследии Синана) заставляют предполагать несоответствие полученного результата архитектурному замыслу, вызванное изменением проекта уже в ходе строительства.

Шехзаде-джами следует рассматривать как результат вынужденного компромисса между типами «погребальной» и «триумфальной» мечети. Этот компромисс проливает свет на особенности архитектурного патроната Сулеймана I и позволяет объяснить последующее изменение магистральной линии развития композиции «больших османских мечетей».

Коротчикова Полина Викторовна
кандидат искусствоведения / Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Памятники Бидара: индо-персидские контакты в архитектуре XV–XVI веков

Исламская архитектура Декана – явление яркое и самобытное, однако, несмотря на обилие и неплохую сохранность памятников, крайне неоднородно освещенное в современной историографии. Если памятники Биджапура, Голконды и Хайдарабада еще попадают в поле интереса специалистов, то постройки Бидара чаще всего остаются за рамками взоров и исследователей, и туристов. В то время как именно Бидар стал второй и наиболее известной столицей султаната Бахманидов (1347–1527 гг.), крупнейшего мусульманского государства в регионе. Период активного строительства в городе совпадает с наивысшим его расцветом, зафиксированным, в частности, знаменитым русским купцом и путешественником Афанасием Никитиным. В силу политического противостояния с центральным исламским государством Индии – Делийским султанатом – правители Бахманидов активно развивали связи с Персией. Результатом стала оригинальная и не имеющая аналогов на территории Индии архитектурная традиция, в рамках которой требования индийских заказчиков и персидская техника и строительная практика переплетались весьма причудливым образом. Можно с уверенностью сказать, что особенности стиля, выработанные в Бидаре, стали основополагающими для последующей архитектуры обширного региона юго-западной Индии вплоть до XIX века, резонируя в памятниках «дочерних» династий Ахмаднагара, Берара, Хайдарабада и Биджапура.

Чекмарев Владимир Михайлович
доктор искусствоведения / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Становление неоготики в английской архитектуре на рубеже XVII–XVIII веков

Доклад посвящен начальному периоду становления интереса к готической архитектурной традиции в Британии в контексте творчества таких наиболее видных английских архитекторов, как К. Рен, Н. Хоксмур и Дж. Ванбру. До этого времени придерживались однозначного мнения, что средневековой английской архитектуре, в том числе и готической, абсолютно чужды такие понятия, как «порядок», «ясность», «гармоническое равновесие», что обусловило отрицательную оценку всего этого многовекового художественного явления признанными законодателями «классического вкуса». Подобную точку зрения высказывал и сам К. Рен, который, впрочем, неоднократно использовал элементы готического стиля в некоторых своих постройках (башня Тома церкви Христа в Оксфорде (1681–1682), церкви Св. Дунстана (1668) и Св. Марии (1702–1704) в Лондоне). Уже в этих памятниках наглядно проступает своеобразное срастание элементов подлинной готики с барочным формотворчеством, обладающим особой универсальностью и способным впитывать и перерабатывать самые разнообразные стилевые источники. Некоторой противоположностью этим работам К. Рена является «готическое» творчество Дж. Ванбру на примере имения Ховард в Йоркшире (1699) и собственного «замка» в Гринвиче (1717). Сугубо «средневекового» образа этих построек он достигает совершенно иными композиционными средствами. На первый план в них проступают особый динамизм и явная тяжеловесность форм, более всего характерные именно для романского зодчества. Важно также заметить, что в рассматриваемое нами время королевский двор уже не являлся, как прежде, генератором художественных идей и стойким пропагандистом «классических форм». К тому же в 1707 г. было создано Общество Антиквариов, главной целью которого становится целенаправленное изучение архитектурных памятников средневековой Британии. Таким образом совершенно очевидно, что корни становления английского «готического возрождения» восходят к рубежу XVII–XVIII вв., когда обозначились фактически первые признаки всесторонней переоценки и заинтересованного исследования своего собственного средневекового наследия.

Волчок Юрий Павлович

кандидат архитектуры / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства; Московский архитектурный институт, Москва

Домо-строение в мировосприятии прерафаэлитов. К формированию анфилады архитектурного синтеза

1. Творческое наследие лондонского «братства прерафаэлитов», самопровозглашенного в 1848 году – неизменный объект пристального внимания к себе со стороны литературоведения, искусствознания, сосредоточенного в основном на проблемах обновления живописной культуры, а также тех разделов культурологии, исследовательские интересы которой направлены на осмысление судеб историзма в те или иные эпохи.
2. Творческий опыт и мировоззренческие интенции прерафаэлитов не стали объектом исследовательского внимания со стороны архитектуроведения и истории архитектуры. На необходимость этого наталкивает хотя бы то, что Рафаэль Санти, ставший рубежным символом художественного движения к обретению нового в английском искусстве середины XIX века, выполнял и профессиональные обязанности архитектора.
3. Трудно предположить, что «бунтарские» устремления прерафаэлитов случайно совпали по времени с перипетиями появления Хрустального Дворца в лондонском Гайд-парке – главного павильона Всемирной выставки 1851 года, ставшего неоспоримой точкой отсчета на пути к обновлению архитектуры.
4. Углубленный интерес к эпохе Раннего Возрождения, проявляемый прерафаэлитами (и не только ими), приводит к перестроению последовательности

классической триады художественного синтеза: живопись – скульптура – архитектура. Она трансформируется в иную, сосредоточенную на поисках закономерностей построения нового архитектурного синтеза: архитектура – скульптура – живопись. В докладе реконструируются основные для такой постановки вопроса произведения концептуальных лидеров прерафаэлитов в разные годы: собственный жилой дом У. Морриса Red House (1859), возведенный с его авторским участием и книга сонетов Д.Г. Россетти «Дом Жизни» (1881). Именно с этой канонической формой поэтического построения литературоведение связывает фиксацию перелома в художественном восприятии.

«Дом» и в том, и в другом случае показывает, как формировалось понимание ценности вновь выстраиваемой целостности, характеризующей взаимоотношения художественного образа и интеллектуальной идеи в изменившихся жизнеустроительных обстоятельствах.

Нащокина Мария Владимировна
доктор искусствоведения / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Реконструкция улицы Бондарей в Бремене в 1923-1931 годы: замысел, стиль, судьба

Бременская улица Бондарей (Бёттхерштрассе) – уникальный пример реконструкции средневековой улицы, превращенной в яркое архитектурно-художественное произведение 1920–1930-х годов. Все ее постройки выполнены в кирпиче, причем кирпичные поверхности стен превращены в абстрактные рельефы, придающие постройкам оригинальность и очевидную современность, близкую к эстетике экспрессионизма и Ар Деко. В новых и сохранных перестроенных домах XVI века расположились три музея, лавки, рестораны, галерея, казино и театр.

Почти все здания улицы дополнены произведениями декоративно-прикладного искусства или скульптуры, несущими не только эстетическую, но и символическую нагрузку, обусловленную общим замыслом, принадлежавшим бременскому торговцу кофе Людвигу Розелиусу. Основная часть улицы начинается очень выразительным, полным динамики позолоченным барельефом известного скульптора Бернгардта Хётгера «Тот, кто приносит свет», привлекающим внимание еще с Рыночной площади.

Восстановление улицы после бомбардировок союзников во время Второй мировой войны Бремен было закончено в 1954 году. Фасады и интерьеры некоторых зданий были модернизированы. Сегодня улица Бондарей представляет собой поучительный пример модернизации исторической городской застройки.

14.00. Кофе-брейк

15.00–17.40. Четвёртое заседание. Ведущие – М. Турек и Н.А. Коновалова

Коновалова Нина Анатольевна
кандидат искусствоведения / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

«Эра Уотерса» в архитектуре Японии

В первые десятилетия эпохи Мэйдзи, после прекращения самоизоляции Японии в 1868 г., глобальный процесс модернизации охватил все сферы жизни государства и общества. Архитектура в этом процессе играла одну из ведущих ролей. Контакты в сфере архитектуры в этот период у Японии шли, прежде всего, с Великобританией. Для того,

чтобы быстрее и качественнее освоить западные стили и методы строительства, японцы стали приглашать в страну консультантов из европейских стран, прежде всего, из Великобритании.

Томас Джеймс Уотерс, британский инженер-строитель и архитектор, стал одним из первых иностранцев, нанятых новым правительством Мэйдзи (после открытия страны в 1868 г.) на государственную службу. Им был спроектирован и построен ряд ключевых зданий и инженерных сооружений в городах Японии, он проводил обучение японских архитекторов и выполнял многочисленные частные заказы.

Проработав на новое правительство 10 лет, Уотерс покидает Японию, столкнувшись с конкуренцией многочисленных иностранных архитекторов, приезжающих в Японию в качестве иностранных консультантов. Прежде всего, конкуренцию ему составил Джошуа Кондер, получивший серьезные должности и крупные правительственные заказы. Безусловно, вклад Дж. Кондера в развитие современной японской архитектуры был больше, чем кого-либо из иностранцев, и поэтому он так хорошо исследован. Однако 10 лет, которые Т.Дж. Уотерс провел на государственной службе в Японии, оказали настолько заметную роль во введении в стране западной архитектуры, что их называют «эрой Уотерса».

Турек Марианн

доктор хаб., профессор / Wyższa Szkoła Bankowa w Gdansku, Гданьск, Польша

Зелень и город в эпоху индустриализации (на примере Гданьска XVIII–XIX веков)

Гданьск – крупный торговый город-порт на Балтийском море, основанный в XIV веке, развивался в течение столетий как плотно застроенная агломерация. Как и в других старинных европейских городах, здесь остро стояла проблема внутригородской зелени. До XVIII века города находились в гармоничном равновесии с природой. Границы были четкими, жестко обозначены линиями укреплений, при этом природа была легко доступна за пределами города. Когда развитие промышленности привело к взрыву урбанизации, и город начал выходить за пределы его бывших границ, отделяя его жителей от природы огромными пригородами, появилась необходимость внесения зелени в городские пространства. С середины XVIII века природа поселилась в городах в виде частных садов, специально созданных общественных променадов, бульваров и зеленых площадей, с середины XIX века – в форме муниципальных общественных парков. К концу XIX века, в основном благодаря новой научной дисциплине городского планирования, стало возможным определить место зеленых зон в городе с учетом не только эстетических предпосылок, но и социальных и санитарных требований. Тогда же родилось осознание необходимости в системных решениях, согласованных для всего городского организма, требующих профессионального подхода и институциональных рамок. Гданьские сады и парки XVIII–XIX столетий до сих пор не становились предметом специальных исследований. В докладе будет затронута проблема организации зеленых насаждений на улицах, площадях, в скверах Гданьска и в его ближайших окрестностях, а также тема загородных садов при больших ресторанах, таких как сад в Ставове, сад при ресторане "Швабенталь" в Долине радости в Оливе и т.п. Особое внимание будет уделено анализу деятельности специального «отдела садов и парков» при администрации Гданьска по системному формированию городской зелени в XIX веке.

Старостенко Юлия Дмитриевна

кандидат архитектуры / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

Йозеф Штюббен (1845–1936): от проектов перепланировки городов к созданию теории градостроительства

Роль Йозефа Штюббена в становлении мировой градостроительной науки в конце XIX – начале XX века отмечается во всех зарубежных исследованиях, так или иначе касающихся истории европейского градостроительства этого периода.

В публикациях иностранных исследователей Й. Штюббен рассматривается, в первую очередь, как автор фундаментального труда «Градостроительство», который впервые был опубликован в 1890 году и выдержал два переиздания в 1907 и 1924 годах. И это объяснимо, поскольку саму книгу часто называют «настойной книгой для нескольких поколений градостроителей». Другим часто используемым подходом к рассмотрению наследия Й. Штюббена является сопоставление его книги с книгой его современника Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства». Однако описание деятельности Й. Штюббена как архитектора-практика, за редкими исключениями, сводится к упоминаниям о том, что в период 1880-х – 1910-х годов им были разработаны проекты планировки Кельна, Вены, Везеля, Дармштата, Познани, Рима, Висбадена и др. Между тем, тот факт, что его практическая деятельность началась задолго до выхода книги, дает основание предположить, что книга была попыткой суммировать накопленный архитектором опыт, а потому изучение работ Й. Штюббена по перепланировке городов имеет не меньшее значение, чем изучение его теоретического наследия. И именно на рассмотрении практических работ Й. Штюббена будет сделан акцент в настоящем докладе.

Заявленная тема доклада также призвана хотя бы отчасти компенсировать тот факт, что имя Й. Штюббена и его работы крайне редко привлекают внимание российских исследователей. Но поскольку столетие назад ситуация была иной, и книга Й. Штюббена была хорошо известна российским специалистам, занимавшимся проблемами городского благоустройства, введение в научный оборот хотя бы некоторых материалов, связанных с его деятельностью, представляется крайне важным в том числе и для расширения знаний о становлении отечественного градостроительства в начале XX века.

Белинцева Ирина Викторовна

кандидат искусствоведения, доцент / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва

«Кирпичный экспрессионизм» или Ар Деко? К проблеме формы в архитектуре Восточной Пруссии (совр. Калининградская область) 1920-х годов

Кирпич является традиционным материалом южного побережья Балтики. Строительство в кирпиче велось в Восточной Пруссии около семи столетий. В 1920-е начались поиски новых выразительных возможностей старинной техники строительства. Раскрыть экспрессивный потенциал кирпича пытались в своих сооружениях местные мастера Г. Хопп, К. Фрик Ф. Ларс, а также ставшие впоследствии широко известными архитекторы Г. Шарун, Э. Мендельсон и другие. Архитекторы использовали новаторские формы, находки и достижения функционализма 1920-х гг., внесли свой вклад в создание новых приемов выразительности кирпичных сооружений, создавая разнообразные композиции из заглубленных и утопленных стен рядов кирпичей с цветной расшивкой швов. Для направления «кирпичного экспрессионизма» Восточной Пруссии характерно включение скульптуры в виде отдельно стоящих фигур или рельефов, что стало особенностью зданий различного назначения, возведенных в 1920-е – начале 1930-х гг. Произведения скульптора Г. Брахерта по сей день украшают бывший Дом Техники (арх. Г. Хопп) и здание телеграфа (арх. К. Фрик) в Калининграде (бывш. Кёнигсберг), работы В. Розенберга (не сохр.) придавали монументальность бывшему Дому финансов (арх. Ф. Ларс) (там же) и т.д. При исследовании этих сооружений возникает проблема отнесения их к зародившемуся после Первой мировой войны стилю Ар Деко, с которым их роднит повышенная декоративность деталей на фоне геометрических объемно-пространственных решений в духе Баухауза. Совместная деятельность скульпторов, работавших в содружестве с архитекторами, придерживавшимися новаторских

направлений (пары Г. Брахерт – Х. Хопп; Ф. Трене – К. Фрик и др.), остается неизученной, что связано с исчезновением большинства пластических композиций. Актуальный анализ, в том числе несохранившихся зданий в разных городах, позволит говорить о наличии произведений Ар Деко в этом регионе Германии.

Мосиенко Евгений Павлович
магистратура / Европейский Гуманитарный Университет, Вильнюс; Остпрройсен-турс велозкскурсии Калининград». Калининград

Индустриальные великаны. Архитектура элеваторов межвоенного периода XX века на территории Восточной Пруссии (совр. Калининградская область)

Элеваторы представляют собой сооружения, предназначенные для хранения, обработки и последующей перегрузки зерновых и бобовых культур. Они входят обычно в состав крупных сельскохозяйственных комплексов, но могут быть обособленными индустриальными объектами, как, например, портовые элеваторы. Функционально элеваторы могут отличаться способом хранения сырья: напольным, вертикальным или смешанным. Вальтер Гропиус еще до Первой мировой Войны признал элеваторы творениями современной архитектуры, в 1913 году он рассказал об этих колоссах в «Ежегоднике» немецкого Веркбунда. Ле Корбюзье писал, что «элеваторы - замечательные первенцы нового времени».

История возведения зернохранилищ в Калининградской области насчитывает несколько веков. Известно, что уже в конце XVII века в Кенигсберге находились портовые амбары, которые сгорели во время Второй мировой войны, так как их основой служила деревянная фахверковая конструкция. Хорошо сохранились и продолжают действовать элеваторы, возведенные в межвоенный период. Многие элеваторы Калининграда и области того времени представляют собой прямоугольные в плане, многоярусные сооружения с железобетонным каркасом, облицованные кирпичом, перекрытые высокой кровлей с углом наклона скатов около 48 град. На территории региона сохранились элеваторы, выполненные по индивидуальным проектам - элеватор известного немецкого архитектора П. Беренса в Тильзите (Советск) с плоской кровлей, или двойной элеватор архитектора К. Кучке в Кенигсберге (Калининград). Авторы большинства элеваторов региона неизвестны, но известны фирмы, которые занимались строительством этих монументальных сооружений. Это были мощные концерны, имевшие серьезный опыт работы с железобетонными конструкциями большого масштаба, например: Dycerhoff&Widmann, Philipp Holzmann, Beton&Eisenbetonbau AG и другие. Калининградские портовые элеваторы включены в перечень объектов культурного наследия. Архитектура элеваторов бывшей Восточной Пруссии требует дальнейшего научного изучения.

Прощенкова Ирина Сергеевна
аспирант / Санкт-Петербургский Государственный Архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург

Морские Императорские курорты в формировании и развитии курортной архитектуры Балтийского побережья второй половины XIX – начала XX века

Социальные законы моды справедливы и для истории курортной архитектуры. Бурное развитие курорты Балтийского и Северного побережья получили во 2-ой трети XIX – начале XX в., став доступными представителям Tiers état. Но своей архитектурой они обязаны требованиям венценосных особ и представителей высшего сословия. В 1793 герцог Мекленбургский Фридрих Франц основал первый немецкий морской курорт Хайлигендамм; Король Георг V Ганноверский для летней резиденции выбрал остров

Нордернай, после чего курорт превратился в место встреч высшего общества; шведский курорт Марстранд приобрел популярность благодаря ежегодным посещениям королем Оскаром II, а эстонский Хаапсалу — после посещения в 1852 наследником российского престола Александром Николаевичем. Архитектура императорских курортов задавала стилевое направление и функциональный состав лечебных, климатических и дачных курортов Балтийского побережья. Роял-павильон для принца-регента Георга IV Брайтонского курорта в восточном стиле породил моду на ориентальный стиль; увлечение Кайзера Вильгельма II Норвегией привнесли национально-скандинавский стиль в архитектуру Померанского побережья. Стремление высшего общества следовать светским привычкам на лоне природы привело к возникновению нового вида культурно-развлекательного общественного здания – курортного (курзал, курхаус, societetshuset, conversationshuse, казино), развитию павильонной архитектуры, появлению новых типов общественных пространств – морских променадов и парковых лесов. Увлечение высшего света водными процедурами послужило толчком для развития архитектуры ванных и купальных заведений. Яхтинг - королевский вид спорта - сделал яхт-клуб обязательным элементом морских курортов Балтийского взморья. Императорские курорты, совмещавшие в себе оздоровительно-лечебную (ванные и купальные комплексы, питьевые галереи), культурно-развлекательную (куртеатры, курзалы) и спортивную функции (яхт-клубы, теннисные корты, площадки для крокета) явились предтечей крупных современных курортных комплексов Балтийского региона.

Ступникова Дарья Александровна

соискатель / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

«Интеллектуальная интеграция»: семиотическая эстетика Чарльза Морриса в контексте программы Нового Баухауса в Чикаго

Одна из первых попыток институционального закрепления взаимосвязи архитектуры и семиотики была предпринята в школе Новый Баухаус в Чикаго, о чем свидетельствует программа курса «Интеллектуальной интеграции», который вел Чарльз Моррис, один из наиболее влиятельных представителей семиотики, с 1937 по 1941 год. Ранняя эстетическая теория Морриса конструирует модель взаимодействия искусства, науки и технологий, осмысленных как разные формы дискурса, выполняющие определенную функцию. Назначение эстетического дискурса рассматривается как непосредственное представление ценностей, не предписываемых предмету, а объективно ему принадлежащих. Такая взаимосвязь теории ценностей и семиотики соотносится с программой школы и, в частности, пропедевтическим курсом. Тем не менее попытки выявить объективное основание эстетической коммуникации не выдерживают критики общей для эмпиризма веры в непосредственный доступ к реальности. Представление о ценности как десигнате эстетического знака обнажает расхождения с тенденцией осмысления аналогии между программами Баухауса в Дессау (в частности, теорией научного проектирования Ханнеса Мейера) и логического позитивизма, направленных, помимо прочего, на конструирование новых «форм жизни», искореняющих метафизику и мистицизм и ориентирующихся на общую операциональную логику. Кроме того, такая установка коррелирует с уже укорененной в историографии тенденцией видеть в Баухаусе символ замещения вещи ее знаком.

17.40. Подведение итогов конференции. Ведущий – А. Ю. Казарян

Заочное участие в конференции

Мальцева Светлана Владиславовна

кандидат архитектуры, доцент / Санкт-Петербургский Государственный университет;
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства,
Санкт-Петербург

Храмовая архитектура Второго Болгарского царства: основные проблемы изучения

Изучение болгарской средневековой архитектуры продолжается более столетия, но выводы часто зависели не только от искусствоведческих методов, но и от идеологической направленности в разных политических условиях. Первые результаты системных исследований принадлежат поколению таких исследователей, как Н.П. Кондаков и Г. Милле — все они изучая регионы византийского искусства, в том числе и славянские, пытались найти им место в картине целого, стремились оценить характер регионального своеобразия, его масштаб и художественное качество.

После Первой мировой войны и революционных событий в России ситуация изменяется. Средневековая архитектура славянских государств и Древней Руси теперь изучаются отдельно друг от друга, национальные научные школы развиваются разными путями. В болгарской науке уже с 30-х годов XX в. формируется концепция о самостоятельной национальной школе в искусстве Первого и Второго Болгарских царств.

Между двумя мировыми войнами и в послевоенные десятилетия в изучении средневековой архитектуры по-прежнему преобладал археологический подход, что во многом было связано с плохой сохранностью памятников. В интерпретации этого материала господствовало стремление выявить национальное своеобразие; античное наследие и византийское влияние рассматривались как важные, но не решающие факторы в развитии национальной архитектурной традиции (Кр. Миятев; Б. Филов; Н. Мавродинов; В. Иванова-Мавродинова; А.Л. Рашенов; С. Ваклинов; В. Антонова; Т. Тотев, М. Бичев, Н. Чанева-Дечевска и др.). Такая позиция оказалась не единственным взглядом на историю развития средневекового искусства двух Болгарских царств. Западными и отечественными исследователями (Р. Краутхаймер, Ц. Манго, Х. Бухвальд, В. Корач, М. Шупут, А.И. Комеч, Р. Оустерхаут, С. Чурчич, И. Стевович, Г. Веленис и др.) были показаны тесные связи и значительная степень обусловленности болгарских произведений влиянием византийского искусства. Однако спор о характере и условиях формирования особенностей средневекового искусства Болгарии со стороны болгарских исследователей продолжается.

Анализ историографии болгарской архитектуры эпохи Второго Болгарского царства показывает, что к числу актуальных вопросов изучения относятся проблемы аргументации признаков архитектурного своеобразия болгарских храмов, территориальные границы их распространения, датировки отдельных памятников. Необходимо обобщение и тщательная искусствоведческая интерпретация накопленного археологического материала, которая позволит выйти на новый уровень понимания механизмов сложения и развития болгарской средневековой архитектуры.

Мурадов Руслан Гельдыевич
профессор МААМ / Союз архитекторов Туркменистана, Ашхабад

От классики к вернакуляру: редукция мусульманских мавзолеев позднего средневековья

В IX–X вв. по всему исламизированному миру распространилась практика строительства персональных усыпальниц людей, игравших заметную роль в обществе. Композиция таких погребальных сооружений в Центральной Азии заимствовалась у доисламских культовых построек с купольной структурой (чартак). Первые мусульманские мавзолеи в этом регионе заметно отличались от монументальных зданий данного типа последующих веков и представляли собой небольшие, квадратные в плане и строго центричные «киоски». В результате сравнительно быстрой эволюции в XI–XII вв. архитектура среднеазиатских мавзолеев достигла высокого уровня мастерства конструктивных

решений и декора, представленных такими классическими памятниками как мавзолей Саманидов в Бухаре или мазолей султана Санджара в Мерве. Следующий этап развития мемориального зодчества в этом регионе связан с эпохами Золотой Орды и Тимуридов. Однако, с конца XV в. началась неуклонная деградация строительного искусства. Она затронула обширную территорию так называемой туркменской вольницы, оказавшуюся за пределами централизованных государств Персии, Бухары и Хивы. Тем не менее, и там попытки придерживаться классических архитектурных приёмов предпринимались строителями мавзолеев XVI–XVII вв. Основу этих сельских памятников составляет планировочная схема, близкая к чартаку, но с развитым порталом. В позднем средневековье, которое в этой части мира растянулось до начала русской колонизации во второй половине XIX в., уже отсутствовали условия для регенерации полузабытых строительных традиций. Мастерам, стесненным консерватизмом заказчиков – правящей элиты и духовенства, оставалось лишь копировать классические схемы. Но и поддержание внешней репрезентативности было невозможным из-за общего упадка экономики, утраты профессиональных школ. Упростились конструкции, уменьшились размеры построек, вместо жженого кирпича начал господствовать сырце. В XVIII в. фольклорные мотивы стали доминирующими в архитектуре Северного Хорасана и на периферии Хивинского ханства. В докладе будет показана эта тенденция на примере ряда уцелевших до сих пор аутентичных мавзолеев в узкой полосе старых оазисов между Каракумами и Копетдагом, а также в горных долинах и пустыне, некоторые из которых до сих пор не были введены в научный оборот.

Шукуров Шариф Мухаммадович

доктор искусствоведения / Институт востоковедения РАН; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства; Государственный институт искусствознания, Москва

Каджары. Опыт восприятия архитектуры

В архитектуре Каджаров отчетливо выделяются два плана возможного восприятия: внутренний и внешний. Первый связан с уяснением горизонтов прошлого – недавнего сефевидского и давнего сасанидского и ахеменидского. Внешний план восприятия основан на связях Ирана с Западом и, соответственно, с западной архитектурой. Нам будет интересен первый план восприятия – отражение иранского прошлого в каджарской архитектуре.

Удивителен факт использования архитектурной образности сасанидской и ахеменидской архитектуры. Каджарские архитекторы воспроизводят не только горные и дворцовые рельефы ахеменидов и сасанидов, а также собственно элементы их архитектуры.

Карлова Евгения Михайловна

кандидат искусствоведения / Государственный музей Востока; Государственный институт искусствознания, Москва

О некоторых особенностях иконографии джайнской архитектуры

Изучение джайнской архитектуры традиционно сосредоточено на пластическом убранстве храмов, выдающихся высот достигшем в средневековых Раджастхане и Гуджарате – так называемый стиль Мару-Гурджара. Однако особенности литургии и мифологические представления, в частности космология джайнов порождают определенную специфику архитектурной иконографии, незаслуженно обделенную вниманием исследователей. В докладе рассмотрена структура джайнских храмов в фокусе их отличия от индуистских святилищ.

Необходимо обратить внимание на несколько таких особенностей. В первую очередь это структура самого джайнского храма, который может копировать индуистский или кардинально от него отличаться в зависимости от некоторых обстоятельств: от географического положения, степени инкорпорированности в архитектурную традицию региона и проч. Автор обращается к такому явлению, как проекция устройства вселенной в структуре храмового комплекса, которая влечет за собой создание уникальных архитектурно-пластических форм – таких, как святилище-*кальпаврикша* (в форме волшебного дерева). Кроме того, речь пойдет о традиции перенесения комплекса храмов, расположенных в важном паломническом центре, путем его репликации в месте локального расселения общины вдали от родины.

Баева Ольга Владимировна
кандидат исторических наук / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва, Симферополь

Жилище Крыма в эпохи Средневековья и Нового времени. К проблеме традиций и культурных влияний

Своеобразие культурного облика Крыма возникло из сложного переплетения природно-климатических, социально-политических и культурных факторов. Этнокультурную историю полуострова, расположенного на перекрестке цивилизаций, характеризуют многообразные проявления аккультурации, консолидации, ассимиляции и сосуществования различных этнических групп и субэтносов. Жилая архитектура, рассматриваемая в докладе, была одним из компонентов этой исторической общности. Она отражала смену культурных доминант в разные исторические периоды, и вместе с тем демонстрировала устойчивые черты, незначительно эволюционировавшие на протяжении долгого времени.

К сожалению, история крымского жилища остается одной из самых малоизученных проблем истории архитектуры полуострова, что, очевидно, объясняется значительной ограниченностью фактического материала. Недостаточный интерес к этой проблематике позволил утвердиться узкому пониманию феномена жилой архитектуры Крыма, когда в межкультурном взаимодействии ей отводится только роль реципиента, как правило, усваивающего влияния извне. До настоящего момента большинство исследований сводились к попыткам найти первоисточник тех или иных ее форм. Безусловно, такой анализ можно считать оправданным, ведь многие переселенцы являлись носителями передовой культуры своего времени, и их влияние прослеживается достаточно явно. Вместе с тем из взаимодействия и взаимовлияния разных традиций здесь складывается синтез, проявившийся в формировании устойчивых типов жилища с узнаваемыми чертами. На конкретном фактическом материале в докладе будет показано, что формы и элементы крымского жилища распространяются за пределы региона. Поэтому мы можем говорить и о культурном донорстве Крыма. Намечая данную проблематику, автор подчеркивает, что она требует дальнейшего изучения и внимания со стороны представителей разных наук.

Левашко Светлана Сергеевна
кандидат архитектуры, доцент / Санкт-Петербургский Государственный Архитектурно-строительный университет; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Санкт-Петербург

Архитектура Русского зарубежья: между «русским наследием» и «совместным наследием»

Концепция «совместного наследия» родилась в европейском профессиональном сообществе полтора десятка лет назад. Имеется научный комитет ИКОМОС по совместному наследию (Shared Built Heritage – SBH). Популярность концепции растет и в России, т.к. имеется множество трансграничных объектов культурного наследия. Порой территория, которую осваивала Россия, выходила из-под российской юрисдикции (например, территория КВЖД в северном Китае в первой четверти XX в.) или, наоборот, территории присоединились к России в результате войн (Восточная Пруссия, Карельский перешеек). Главная цель концепции «совместного наследия» – совместная оценка ценности и комплексное использование методов охраны всех заинтересованных сторон, связанных территорией и наследием, в чем и состоит ее главное достоинство. Предлагается рассмотреть наследие Русского зарубежья первой половины XX века сквозь призму этого относительно нового концепта — «совместного наследия». Русское архитектурное наследие за рубежом как результат деятельности русских архитекторов в отечественной историографии рассматривается исключительно «своим». Но с течением времени это русское наследие «вживается» (адаптируется) в инокультурную среду и воспринимается обществом страны-реципиента тоже «своим». Как правило, проекты русских авторов воплощались трудом местных специалистов и мастеров, из местных материалов, что накладывало, безусловно, отпечаток на архитектуру сооружения. Не говоря уже о том, что оно принадлежит стране-реципиенту, чье общество эксплуатирует, реставрирует, изучает, сохраняет/не сохраняет это наследие. Вывод: необходимо формировать критерии «совместного наследия», формировать особый подход к его сохранению. В статье автор попытается рассмотреть проблематику «совместного наследия» в отношении к «русскому наследию» за рубежом и перспективы использования новой методологии, находящейся в России в стадии становления.